
Анатолий

ТОС

Женщина
с мужчиной
и снова
с женщиной

ЛЕГКОМЫСЛЕННАЯ
СЕРИЯ

Анатолий Тосс

**Женщина с мужчиной
и снова с женщиной**

«Анатолий Тосс»

2008

Тосс А.

Женщина с мужчиной и снова с женщиной / А. Тосс —
«Анатолий Тосс», 2008

ISBN 978-5-17-051292-8

Время действия – современная Москва. Четверо друзей становятся героями замысловатых любовных историй, каждая из которых – путь познания женщины мужчиной, мужчины женщиной, женщины женщиной...

ISBN 978-5-17-051292-8

© Тосс А., 2008
© Анатолий Тосс, 2008

Содержание

Кульминация	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анатолий Тосс, автор нашумевших романов «Фантазии женщины средних лет» и «Американская история», создал совершенно ЛЕГКОМЫСЛЕННУЮ СЕРИЮ.

Все книги этой серии написаны тонко и умно, их отличают воздушный, под стать джазовой импровизации, стиль повествования, колоритные персонажи, забавнейшие сюжетные повороты.

Вы – среднего возраста (от 21 до 64), вполне приятной наружности, знаете себе цену, но реалистично относитесь к жизни и не требуете чрезмерно многого. А главное, Вы многое можете понять и даже иногда кое-что простить.

Ваша пара – среднего возраста (от 18 до 67), конечно же, не идеальна, хотя в целом Вас устраивает. Вот только в последнее время наблюдается у Вашей пары отход от привычной всем нам гетеросексуальности. И начинается дрейф в сомнительном направлении.

Ну и что же делать? Сдаться на милость разнузданной альтернативе? Проявить малодушие и растерянность перед лицом модных однополых течений?

Никогда! Ни за что! Надо действовать, вызволять еще недавно близкого человека!

И вот четверо друзей, герои как этой книги, так и всей серии «Женщины, мужчины, и снова женщины», поочередно рискуя, жертвуя собой, вытягивают друг друга из тягучей, соблазнительной трясины, возвращая всех нас к светлым природным истокам.

Кульминация

Так и стояли они друг против друга, разные, одна с длинными светлыми, разлетающимися по плечам локонами, другая – с короткой прической темных вьющихся волос. Одна со светлыми лазурными глазами, другая – с темно-зелеными, тяжело изумрудными.

И тут та, что со светлыми и лазурными, вдруг произнесла растянуто, на сбивающемся, едва отделимом от слов дыхании:

– Ты мне так нравишься... – произнесла она, и как в замедленном, старом кино начала прошедшего века, но почему-то цветном, их губы сдвинулись, и оторвались, и поплыли навстречу друг другу.

Повторю: медленно, плавно, будто притягиваемые слабым магнитом, они сходились, измельчая и так мелкое, ничтожное расстояние, вырождая его в ничто, в труху, в «зеро», в «зип», в «зелчь», или иными словами, в полный ничтожный ноль! Сходились, как будто были обречены, как будто у них не было иного пути, иного выхода. И сошлись...

Глава 1

За 214 страниц до кульминации

– Почему семьи в современном обществе непрочные? Знаете, нет? Ну в смысле, разваливаются в большинстве случаев. А если и не разваливаются, то все равно скрипят и дрожат по швам от шаткого напряжения. Да и не только семьи, а вообще любые пары, особенно межполовые – первое время как будто в идиллии да согласии, а потом – как с цепи сорвались. И рушатся прямо на глазах. Так знаете почему? Я вот сам совсем недавно ответ нашел.

Мы с Инфантом сначала переглянулись в недоумении, а потом обвели взглядом столики кафе, в котором сидели, а еще лица сосредоточенно присутствующих в нем людей. А те, не замечая наших взглядов, кушали с тарелок и запивали разным – кто чем.

– Ну? – поинтересовались мы с Инфантом у Илюхи БелоБородова, который и являлся родоначальником затеянного разговора.

– Да все из-за женщин, – банально объяснил нам Илюха.

– А... – протянули мы разочарованно вместе с Инфантом. – Это-то мы и без тебя знаем, мы это еще в классической литературе читали. Как там было у античного поэта Вергилия?

И так как на словах «античного поэта» Инфант добровольно выскочил из нашего уже налаженного унисона, я продолжил один. По памяти продолжил:

– Вергилий приблизительно так писал:

Каждая женщина зло, —

начал декламировать я античного поэта в переводе с латинского на русский.

Но лишь дважды бывает приятной:
Либо на ложе любви,
Либо...

Тут я призадумался, так как дальше память замолкла и не откликалась. Впрочем, Вергилий был мне уже не указ, закончить я вполне мог и без него.

Либо на чем-то еще... —

досочинил я за древнего поэта.

– Да, – вздохнул Илюха, – бедный Вергилий, досталось ему, видать, от своей Беатриче, раз на такой стих потянуло.

Я кивнул, соглашаясь: мол, действительно, бедолага, и мы замолчали на минуту.

Лишь Инфант окидывал нас восхищенными взглядами.

– Хороший стих, – оценил Инфант. – А кто они такие, Вериглий с Беатрисой?

Другой бы на нашем месте, интеллигентный и эрудированный, удивился вопросу, но не мы с Илюхой. Потому что мы давно знали про Инфанта, как сильна у него жажда к новым знаниям, особенно в области исторической литературы. И именно в данной области его жажду можно было насыщать и насыщать. Так как в Инфантовом сосуде знаний, который у нормальных людей постепенно наполняется с детства, у Инфанта с трудом было прикрыто нижнее доньшко, оставляя емкость полной летучих, не всегда полезных газов.

Короче, мало чего Инфант знал про литературу, как и про многие другие факты культурной и географической жизни. Зато постоянно пытался узнавать. В общем, любознательным он

вырос, вот и донимал нас вечными вопросами, на которые мы давно перестали реагировать. Потому что бесполезно было реагировать на Инфанта.

– Пожалуйста, старикашка, – попросил меня Илюха, – ты не воспринимай меня плоско и однобоко. Я ведь все-таки не какой-нибудь примитивный популист вроде древнего Вергилия, чтобы женщин наших без причины упрощать. Я ведь и вглубь могу копнуть ненароком.

Тут мы с Инфантом оглядели Илюху с ног до головы и кивнули согласно: такой и впрямь мог копнуть.

– Я ведь о том, – продолжал ободренный Б.Бородов, – что хоть ответственность за распад семьи ложится конечно же на женщин но процесс тут значительно более запутанный, чем примитивная женская вина. Тут сложный механизм, в котором разбираться и разбираться.

Я проглотил кусочек омлета, запив его кофе из чашечки. Инфант тоже чем-то сглотнул, и мы настроились слушать Илюху предельно внимательно. И Илюха начал:

– Дело в самой природе женской влюбленности. Потому что природа эта совсем не так устроена, как у нас...

– Ну, давай, рожай уже, – наконец-то не выдержали мы с Инфантом.

– Дело в том, – начал неспешно рожать Илюха, – что когда женщина влюблена, она сама не своя становится. В смысле, она уже совсем не та, которой была прежде, до влюбленности. И совсем другая, чем та, которая будет после нее. То есть влюбленность ее не просто преобразует, как и многих других двуногих типа нас, – она ее меняет кардинально. И становится такая женщина абсолютно неузнаваемой, как будто она в античном греческом театре новую маску надела.

Тут Илюха посмотрел на нас, и мы с Инфантом быстро зажевали и запили глотком кофе, чтобы ничего во рту не мешало слушать.

– Мягкой становится влюбленная женщина, терпимой, прощающей, – продолжил Илюха. – А еще податливой, и ласковой, и трущейся щекой о наше заскорузлое мужское плечо. То есть доверчивая она вся перед нами и преданная, и любить ее за доверчивость хочется, и верить, что так будет всегда. И мы любим... – Здесь Илюха эмоционально вздохнул. – ...Вот только навсегда ее не хватает! Потому что когда влюбленность проходит, а она, увы, проходит, то происходит обратная метаморфоза, возврат, так сказать, к истокам. И становится женщина именно той, какой была до влюбленности. А именно...

Здесь Илюха снова выдержал паузу и окинул взглядом наши с Инфантом восторженные лица. Потому что неподдельно восторгались мы нашим корешем БелоБородовым. Надо же, действительно, сколько грунта одним копком с поверхности снял и какую приоткрыл глубину!

– ...А именно: немягкой она становится, нетерпимой, не прощающей, не очень ласковой, редко податливой и о плечо нечасто трущейся, только если зачесалось где-то за ухом, а руки заняты. Иными словами, становится она полной противоположностью своего влюбленного варианта. А значит, совершенно неузнаваемой для нас. Ведь мы ее такую не видели никогда, мы ведь ее только влюбленную в нас застали.

– Да, дела... – понимающе проговорили мы с Инфантом, вдруг очень отчетливо представив картину. На собственном прошлом опыте представив.

– И вот стоим мы, ошеломленные, смотрим на нее и припомнить пытаемся: а на этой ли самой девушке мы женились когда-то? Не произошло ли здесь какого-нибудь детективного сюжета, не подменили ли злые грабители нашу девушку в середине ночи, когда мы спали с уверенностью в ней? Потому как по всему нашему воспоминанию, женились-то мы на другом человеке. Совсем не на этом, которому мы уже давно стали безразличны и который чего-то недоволен всегда всем и за чем-то на нас свое недовольство вымещает.

Тут снова произошла пауза – это Илюха ее организовал, чтобы мы быстро засунули в свои рты по куску омлета, прожевали, проглотили, пока не остыл, и запили кофе. И снова были готовы слушать не шевелясь.

– А может, и не подменили ее вовсе, а все как раз наоборот произошло. Может, эта неизвестная нам и никогда не влюбленная ни в кого женщина сама подстерегла в темном квартирном закутке, между ванной и сортиром, ту, прежнюю нашу воздушную избранницу и, умертвив ее, спустив тело по кусочкам в унитаз, взяла да и прикинулась ею. Да так, что мы и не заметили подмены. Ведь помните, так и в русской народной сказке было, когда ведьма уколошила Аленушку, а потом ею же и притворилась, и к Аленушкиному мужу в постель юркнула. И все науськивала из постели: «Зарежь, мол, козленочка да зарежь». А муж, тот тоже не лучше нас оказался: губы раскатал, подмены баб не различил, так бы и зарезал неповинного Иванушку, если бы наши вовремя не подоспели.

Тут Илюха еще раз приостановился, и мы воспользовались и срочно разжевали по омлетному куску, который уже несколько поостыл.

– А русский фольклор – он, ох, непрост. Он всегда с задней мыслью и в корень зрит. Вот и здесь женскую дуальность легко выявил – ведь Аленушка и ведьма, в соответствии с современным психоанализом, это два подсознательных лица одной и той же женщины. Просто Аленушка – во время влюбленности, а ведьма – после нее. И не только ведьма может превратиться в Аленушку, но и Аленушка, что обиднее всего, – запросто в ведьму превращается.

– Ух ты... – закачали мы с Инфантом в изумлении головами. Надо же, куда забралась Илюхина зоркая мысль – в самую сердцевину сердцевин. Надо же, как он ловко в Аленушке разобрался. Вот бы кто в нас, в Иванушках, так разбирался. Может, и не пили бы мы тогда чего не надо ни из каких подозрительных копытец, и козленочками бы не становились. И не жили бы ими, боролатыми, до старости.

– Ну да, – согласился Инфант, не переставая покачивать головой, – чего им стоит влюбленными прикинуться? Плевое для них, притворщиц, дело. А все потому, что очень хотят нас заграбастать. Вот и прикидываются. Они вообще лицемерные все. Ну а после того, как заграбастали, тогда им притворство вроде и ни к чему становится.

Я уж собрался поддержать Инфанта, что вообще-то делал не часто, но Илюха приостановил мой необдуманный порыв.

– Типичная ошибка. – Он указал пальцем на Инфанта. – От нее как раз большинство проблем у нас с женщинами и возникает. Оттого, что мы их постоянно уличить в чем-нибудь пытаемся. А они – нас. А напрасно! Потому что не притворяются они совсем и не пытаются нас ни обмануть, ни «заграбастать». Особенно тебя, Инфант. Они чисты и искренни перед нами, и открыты, и не фальшивят ни на единой ноте. И не можем мы попрекать их ни в чем.

– Как это не можем? А кого же нам тогда попрекать? – сильно удивился Инфант. Но он не получил ответа.

– Все дело в том, – продолжал Илюха, – что женщины устроены слишком для нас замысловато. Просто влюбленная женщина метаморфозирует так искренне и безотчетно, что сама этого не замечает. Иными словами, превращение такое волшебное. Такие чудеса в природе вообще иногда встречаются – например, когда гусеница в бабочку превращается. Она, эта легкая, воздушная бабочка, тоже ведь не помнит, что прежде скользкой гусеницей была.

– Но ведь бабочка назад в гусеницу, кажется, не превращается? Или превращается? – поднял на нас неуверенные, вопросительные глаза Инфант, у которого по биологии наверняка была в школе очень натянутая тройка.

– В том-то и дело, – начал пояснять Илюха, – что в отличие от бабочки в женщине постоянно живут два отдельных существа в одном, так сказать, обличье. Одно бытовое, приземленное, практичное, невлюбленное – нормальное, одним словом. А другое, наоборот, романтическое, чуждое корысти, полное чувств и любви и оттого небесное даже. И умеет женщина легко переходить из одного состояния в другое. Главное, чтобы природные условия правильные создались. А условия эти и есть наличие или отсутствие влюбленности.

Тут Илюха дал нам возможность пощупать вилками остывший резиновый омлет, который запихивать в рот уже никак не хотелось.

– Вообще такая дуальность еще Лениным В.И. и Марксом К. подмечена. Называется – единство противоположностей. Ну если в В.И.Л. и К.М. вы разбираетесь слабо, то о полюсах тогда подумайте, о географических. Или, что еще тебе, Инфант, доступнее, об электрических батарейках, у них тоже плюс и минус с разных концов. Вот и с женщинами так – в них тоже два начала присутствуют. Только почему мы страдать из-за их двойного начала должны?

– Действительно, – живо откликнулись мы с Инфантом, – почему?

– Не знаю, – сознался Илюха, – не должны, но страдаем. Потому что как бы нас жизнь ни била, ни доказывала, что очаровываться и поддаваться на женскую дуальную основу не следует, – мы все равно каждый раз поддаемся. И каждый раз надеемся: «Вот эта уж точно избежит превращений. Ведь она есть образчик чистоты и искренности, и они в ней совершенно неподдельны». И снова не верим мы природе и становимся ей поперек, ну и натываемся на нее в результате. Потому что смертный с природой бороться не может. Особенно с женской. А если кто борется, то только себе во вред.

Мы помолчали, соглашаясь с белобородовской теорией, попереживали за ситуацию, но сколько можно переживать? И поэтому я снова к нему обратился:

– Б.Б., – обратился я к нему попросту, потому что не любил всю его длинную, двухкоренную фамилию выговаривать. С аббревиатурой было проще, – я вообще-то за тебя всей душой. И если тебя кто-нибудь когда-нибудь коллективно бить за твою теорию начнет, я заступлюсь. Но вот тебе законный вопрос: разве с нами, с парнями, аналогичной метаморфозы не происходит? Разве влюбленность нас самих не меняет до неузнаваемости?

Но Илюха и тем более Инфант, казалось, даже не поняли, зачем я так поинтересовался.

– Ты чего, при чем тут мы? – поднял на меня голос Инфант, но Илюха его дипломатично притормозил.

– Нет, стариканер, с нами так не происходит. С нами совершенно по-другому. То есть нас влюбленность тоже окрыляет, конечно. Потенция, например, улучшается, общее кровообращение тоже, и на творчество многих тянет, в поэзию, например, или в музыку. Но у нашей окрыленности пределы есть. И не вылезает мы за эти пределы, и не подменяем мы себя. Конечно, мы лучше от влюбленности становимся, некоторые – сильно лучше. Но не настолько, чтобы узнать нас было нельзя. Потому что какими мы произошли на этот свет, такими и продолжаем оставаться всю жизнь.

Тут Илюха придвинулся ко мне поближе и сообщил конфиденциально:

– Понимаешь, стариканыч, не превращаемся мы! Может, и хотим, но не умеем! Не заложено в нас, к сожалению. Мы как бы и не гусеницы уже, но еще и не бабочки. Вроде и не ползаем, но и не летаем тоже. Скучные мы, если разобраться, только ногами по земле и умеем топтать.

В общем, он меня легко убедил, и я не стал продолжать спор. А вместо спора задал еще один вопрос:

– Так посмотрите, что получается. Получается, что от влюбленной женщины как раз весь вред и происходит. Потому что именно ее влюбленность полностью нас дезинформирует и отвлекает от женщины реальной. С которой нам после ее влюбленности еще жить и жить.

– Ага, – согласился предводитель идеи. – От влюбленности всем вред, не только нам, но и самой влюбленной женщине тоже. Потому что она сама себя тоже потом не узнает...

– Так получается, – возбужденно перебил я предводителя, – что лучше связывать жизнь с невлюбленной женщиной. С женщиной равнодушной. Особенно равнодушной к тебе самому. Потому что не обманет тогда тебя жизнь, и с кем ты войдешь в нее, совместную, с тем, глядишь,

из нее и выйдешь. И никаких тебе метаморфоз и разочарований по дороге, а однозначный, заведомо проверенный союз.

– Получается, что так, – подтвердил мою здравую мысль теоретик Б.Б. – Во всяком случае, знаешь, на ком женишься. Можешь трезво свою избранницу оценить, разобраться в ней досконально и жить в дальнейшем спокойно, зная, что она всегда такая будет, не изменится.

– Вот это да! – снова поразился я жизни, потому что привык поражаться ей. Сколько живу, столько и поражаюсь. Но тут в мое поражение встрял Инфанти:

– Ну, а если она в тебя влюбится уже потом, после? – предположил он, и мы сначала не поняли мысли. Потому что обычно мы привыкли не понимать, чего он там выплескивает из себя, этот Инфанти. Но тут меня что-то привлекло и зацепило.

– А ведь правда, – развил я за Инфанти, так как ему самому, я знал, развивать было трудновато. – Ведь если ты вошел в неэмоциональную связку с равнодушной к тебе женщиной, но так, что тебя ее равнодушие вполне устраивает. Именно потому, что проявляет ее истинные качества, которые ты специально долго и тщательно подбирал. А тут на протяжении жизни она к тебе проникаться эмоционально начинает. Как, знаете, выражение есть: «Стерпится – слюбится». Вот и ты «слюбился» и растопил ее равнодушие, не желая даже того совсем... Так что ж получается... Получается, что опять ты окажешься женат на другой женщине, на той, которую не выбирал? Но теперь вдобавок еще и на влюбленной! И опять тебя ждет разочарование от ее никому не нужного превращения.

– Да, да, – заторопился за мной Инфанти, – именно «стерпишься – слюбишься». Ведь бывает так, когда все-таки удастся стерпеться... – все повторял он, видимо, отчетливо понимая, что сначала он все же должен «стерпеться». Чтобы уж только потом «слюбиться».

Но мы сделали вид, что его рефлексия не заметили. Потому что на самом деле не заметили.

– А что, – согласился с моим предположением Илюха, – вполне вероятная ситуация. В том смысле, что если вдруг не повезет и влюбится в тебя твоя уже долгая спутница.

И опять предстанет перед тобой неизвестный женский образ, который станет удивлять тебя – на сей раз своей влюбленностью. И может, она тебе придется по сердцу, а может – кто знает – и нет.

– Так что же, где же выход? Получается, что как ни крути, получаешь кота в мешке.

– Кошку, – поправил меня Инфанти. – Причем влюбленную. Влюбленную кошку в мешке.

– Ну да, – согласился я с поправкой. – Как ни крути, все равно получается, что живешь одной семьей незнамо с кем. Потому что женишься на одной, а в результате другую получаешь. Как ни крути...

Мы все помолчали и повздыхали вместе, а потом Илюха все же выразил общую мысль, что, мол, хитрая штука жизнь. И непонятно порой, как с ней, и не известно, где найдешь, а где еще чего. И вообще немало в ней такого, что непонятно ни нашим, ни даже ихним мудрецам.

– Я как специалист по экономике и финансам утверждаю: непонятно! – заключил он веско.

И мы вернулись к нашим кофейям, потому что скудные остатки омлетов нас уже совсем не привлекали.

Глава 2

За 199 страниц до кульминации

Итак, повторю: сидели мы в кафе, день был субботний, а по субботам мы завтракаем вместе в одном и том же месте. Могли бы по отдельности, но скучно по отдельности, тем более в субботу. Да и зачем?

И хотя достатка мы все были разного – от Илюхи до Инфанта, ну и я где-то посередине, – но все равно омлет с кофе по субботам мы все могли себе позволить. Хотя Инфант все-таки с натяжкой. Ведь если про Инфанта, то он был человеком без определенного рода занятий.

Обычно такое происходит с теми, кто по жизни увлекающийся очень, у кого интересов разнообразных много и каждый интерес в свою определенную сторону утягивает. Вот и разбрасывается человек – то одним, то другим себя занимает, а потом третьим... И получается, что становится он «без определенных занятий».

Или же наоборот – оказался человек, например, бездельником. И получается еще один пример человека «без определенных занятий». Печальный, грустный пример.

Но Инфант ни к первому, ни ко второму варианту не относился – он вообще под варианты с трудом подходил.

Когда-то в юности Инфант был вечным математическим аспирантом, но заканчивать аспирантуру не стремился принципиально. Потому что потом пришлось бы на работу ходить, а ходить ему не хотелось. Помимо жалких аспирантских, подкармливал он себя тем, что придумывал диссеры коллегам-аспирантам за вполне материальный гонорар. Именно придумывал, потому что написать диссертацию Инфант не мог. В смысле, грамотой он владел, но вот расставлять слова в правильном порядке, чтобы из них смысловые предложения получались, – такое было ему не по способностям.

А вот когда немного оперился, возмужал, присмотрелся к развивающемуся вокруг капитализму, тогда вылетел Инфант из стерильного аспирантского мира и стал с энтузиазмом вписываться в мир нестерильный, в его крутые жесткие повороты. Вписывался, вписывался, но не вписался окончательно.

То есть иногда ему удавалось впарить кому-нибудь мозги. В основном за счет своего экзотичного растрепанного вида, чудного имени, загадочной, обаятельной улыбки, а еще – что самое действенное – никому не понятных изречений. В целом он мог создать у постороннего ощущение, что осведомлен о чем-то секретном, о чем постороннему невдомек. Ведь за расплывчатостью и плохо разбираемой двусмысленностью видится порой загадка, а порой – мудрость. Которых, в случае с Инфантом, как раз не было.

Его даже пару раз назначали на оплачиваемую работу. Но видите ли, магия Инфанта действовала только кратковременно и только на посторонних. Те же, кто знал его больше семи дней, вскоре начинали смутно догадываться, что если они не понимают Инфанта, это вовсе не означает, что идиоты – они. Что, возможно, как раз наоборот.

Впрочем, Москва – город большой, пока о тебе общее мнение сложится и слава разнесется, многих перепробовать можно. Вот и Инфант перепробовал разного и даже продерживался на некоторых постах по несколько зарплат, пока его с удовольствием оттуда не просили все же отойти подальше.

В конце концов Инфант отказался от наемного труда и связанной с ним регулярной зарплаты и двинулся в мелкий бизнес. Во всяком случае, так, как он его понимал.

Со временем он, впрочем, наработал клиентуру, которой оказывал некие мелкие услуги, порой интеллектуального свойства, но чаще – не очень. Например, он мог с завязанными глазами за сорок восемь секунд разобрать автомобильный двигатель отечественного производ-

ства, не уступив по скорости курсанту МВД, разбирающему автомат Калашникова. И даже в отличие от курсанта как-то этот отечественный двигатель мимоходом преобразовать, что его, возможно, кое-как и улучшало. Правда, назад двигатель уже приходилось собирать кому-то другому. Потому что собирать назад Инфант, как правило, не любил.

Или он, например, умел напасть и заставить врасплох какой-нибудь чужой интернетовский сайт, если его об этом сильно и недешево просили. И испоганить этот сайт никому не понятными изречениями. И именно оттого, что изречения никто понять не мог, вычислить и изловить хитрого хакера Инфанта было практически невозможно.

Или же он мог смастерить устройство по постоянному прослушиванию телефонных разговоров чьей-нибудь жены, а то и мужа. И установить его заодно с другим устройством, тоже лично разработанным, которое незаметно подсматривало за женой того же самого мужа в изолированной ванной комнате. Но мужу при этом никаких изображений не передавало. Потому что все изображения уходили совсем в другом направлении.

Или же мог разработать конструкцию бани в туалете городской малогабаритной квартиры. И даже пытаться ее построить, если ему кто-то позволял.

Или же изобрести женские колготки с тремя ногами. Так, что если одна прорвется, то используется запасная.

Или же...

В общем, если уж совсем объективно, то Инфант в каком-то смысле был легендарным сказочным Левшой, таким отъявленным народным умельцем. За тем лишь исключением, что был он правой и вообще-то далеко не народным. И даже не совсем умельцем. И про Левшу ничего не знал и никогда не слышал.

Но даже эти скудные свои способности Инфант не ценил и придавал им крайне мало значения. Потому что более всего он любил «чудить», причем совершенно бескорыстно. И вот здесь, в этом щедро отмеренном ему таланте, он покорял такие Эвересты, достигал таких высот мастерства, на которые никто больше не мог забраться, чтобы стянуть его оттуда.

Вот и получалось, что в экономической сфере жизни Инфант все еще искал себя. Попыливо искал. Не всегда удачно, иногда жизнь совместно с экономической сферой глумились над ним остроумно, но на продукты питания ему все-таки хватало. Даже вот на субботнее кафе с омлетом и кофе.

Так мы и продолжали сидеть в кафе, попивая остывающий вслед за омлетом кофе, осматривая публику заинтересованными взглядами. А потом Илюха проницательно ко мне обратился:

– Слушай, Розик, ты где вчера отсутствовал? Я тебе звонил, но ты не откликнулся.

– А?.. – переспросил я.

– Так где ты был? Пора тебе мобильник завести, а то ты недоступным слишком часто делаешься.

– Не, не люблю я их, принципиально не люблю.

– Так где ты был? – настаивал Илюха.

– Да так, – не менее настойчиво отнекивался я.

Но чем больше отнекивался, тем больше Илюха стремился узнать, и в какой-то момент я перестал сопротивляться.

– В общем, неудачный у меня день выдался вчера, – признался я наконец. – Нелепый такой день, полный ненужных жертв и разрушений.

Оба, те что сидели напротив, придвинулись поближе, не скрывая ожидания. И я их ожидания оправдал.

– Ну, в общем, – начал я, – позвонила мне утром Кларчик... ну да, та самая Клара.

– Музыкантша, что ли? – начал чудить Инфант, считая, что он просто не имеет права пропустить мимо такое удачное имя.

Я-то сразу понял, к чему он ведет, а вот Илюха не сразу. Потому что так досконально трактовать да истолковывать Инфанта, как умел это делать я, он все-таки не мог. Хотя он его истолковывал намного лучше других, которые вообще ни хрена не понимали.

– При чем тут музыкантша? Я же знаю Кларчика, она девушка со слухом, конечно, и с голосом. Но к профессиональной музыке она ведь никакого отношения не имеет, – недоумевал Илюха наивно.

– А зачем ей тогда тромбон потребовался? – продолжал привычно чудить Инфант, заводя БелоБородова в свои темные мозговые дебри, полные завихренных ассоциаций.

– Какой тромбон? – не понял Илюха.

– С которым она спала в обнимку, нажимая на клавиши большими пальцами ног, – закрутил еще один виток Инфант.

И тут мне пришлось вмешаться.

– Это она, – остановил я Инфанта его же оружием, – чтобы отомстить водолазу Карлу за спиливание и порчу коралловых рифов в Красном море.

– А... – тут же поскучнел Инфант и двинул на попятную: – Тогда понятно.

Услышав про Карла и про коралловые рифы, Илюха сразу, конечно, врубился и посмотрел на Инфанта с усталой тоской. Но тот лишь посмеивался себе в удовольствие – спутать Илюху ему удавалось не каждый день. И даже не каждый месяц.

– Чудишь, Инфантик? – поинтересовался Илюха.

– Ага, – удовлетворенно согласился тот.

– Ну ладно, – простил его Илюха, возвращаясь вопросом ко мне: – Так чего Кларчик?

– Да она за помощью обратилась. Там у нее мамашка имеется, немолодая уже далеко женщина. После семи неудачных браков совсем одна осталась. В квартире одинокой живет, в тесной такой, заставленной слишком плотно мебелью старой и шаткой. В основном антикварной, раритетной. В общем, тяжело ей одной, особенно после того, как всю жизнь сильно нарахват была.

– Да, старость – не радость, особенно когда женщина по ночам в пустой... – осторожно подступился было Инфант к очередному своему чудачеству, но Илюха зажал ему рот властным взглядом.

– В общем, у нее беда приключилась: у столика ее одного, инкрустированного, ножка надломилась. Не отлетела еще полностью, но зашаталась. Вот и попросила меня Кларчик о помощи – ножку эту на место присобачить.

– Тебя? – засмеялся вслух Инфант, не скрывая злой иронии.

– Действительно, – вторил ему Илюха, – почему тебя, ты же не реставратор? Да и не плотник даже. И не столяр. Да и вообще, ты же не умеешь.

– Ну да. – Я не стал спорить. – Но есть такая прослойка людей, женская прослойка, которая считает, что если ты от них сильно отличаешься по половым признакам, то ты и реставратор, и плотник, и столяр даже. И если Кларину мамашу жизнь после семи замужеств не разубедила, то кто я такой, чтобы ее на старости жизни разочаровывать? Мне, конечно, ничего этого всего не хотелось – ни ехать к ней, ни ножкой заниматься, ни отверткой крутить, но отказать я тоже не мог. Кларчик ведь не случайная для меня девушка, да и старушка одинокая – на кого ей еще положиться, как не на старых приятелей ее дочери? Вот и согласился, и поехал.

– Зря, – вставил Инфант.

– Конечно, зря, сразу было понятно, что зря, но все же поехал. Столик действительно оказался инкрустированный и изящный, он мне даже понравился поначалу, эстетически в основном. Ну, пока я не стал осматривать поврежденную ножку. Оказалось, что там все непросто. Какие-то специальные деревянные шурупчики, тоже антикварные, видать, которые ножку со

столешницей связывали... так вот они повредились, и оттого ножка расшаталась и вообще нестойко себя вела.

– Да, дела... – посочувствовал мне Илюха. А вот Инфант не посочувствовал, он просто наслаждался моей реставраторской беспомощностью.

– Дело было ясное, – продолжал я, – надо было менять шурупчики на аналогичные, но где аналогичные, деревянные взять? Я же говорю, что я не столяр и не плотник даже, так что деревянных мне не изготовить, и пришлось перейти на современные металлические. Которых тоже у меня не было. Тем более для антикварного, инкрустированного столика. Стал я у хозяйки тогда домогаться, мол, без винтов мне с ножкой не разобраться, и давайте посмотрите, может быть, у вас в доме хоть какие-нибудь да водятся. В результате она мне коробочку приволокла, полную металлических запчастей, среди них я винтики и отобрал. Лучшие из тех, что там были. Хотя там много неплохих винтиков было.

Я отпил кофе, подумал о куске омлета, но в рот его засовывать не стал. Хотя он и еда, конечно.

– Короче, подстелил я на пол газетку аккуратненько, перевернул столик ножками вверх, а крышкой вниз, прямо на газетку, чтоб инкрустацию дорогую не поцарапать и не повредить. Потому что я аккуратный, предусмотрительный и добросовестный, особенно когда дело о реставрации заходит. И стал винтами их скручивать, ножку со столешницей, тоже, надо сказать, добросовестно и тщательно. И так у меня закипела работа спорно и ладно, что вскоре ножка намертво приросла к столешнице, да так, что ей с ее изначальными деревянными шурупчиками и не снилось.

Я обвел взглядом аудиторию. По ней сразу было видно, что Илюха полностью сопереживал мой успех, а вот Инфант если и сопереживал, то только мою неудачу.

– В общем, на проверку задача оказалась совсем несложной, даже легкой, даже приятной, хотя я поначалу о ней думал как о неприятной и тяжелой. И правильно, надо сказать, думал. Потому что очень скоро оказалось, что приросла ножка не только к столешнице, а вообще полностью приросла. Просто закопалась в почву, как молодая тополиная посадка. И не одна закопалась, а вместе со столешницей на пару. Только не было под ними никакой почвы, кроме газетки, постеленной на паркетном полу, который тоже был крайне инкрустированный и гладко налакированный.

В общем, дернул я за столик раз, а он не дергается, неподъемно тяжелый он неожиданно сделался. Дернул я два, как дед за репку, – опять никак. Деду-то проще было, у него бабка с внучкой и Жучкой были, а мне каково одному? Я, конечно, мог Кларину мамку попросить потянуть за меня, но не хотелось женщину беспокоить. Немолодая она ведь уже, кто знает, как на ее сердце вид неподъемного инкрустированного столика может повлиять? Да и чтоб за меня изо всех сил тянули, мне тоже не хотелось.

Короче, столик приподнялся все-таки немного, но только после третьего моего дерга, и как я понял, вместе с паркетом. Как только я про паркет понял, я тут же оставил тщетные попытки и стал обдумывать: что же там произошло? Почему столик не хочет подниматься без паркетной доски, приклеился он, что ли, к ней? А если приклеился, то каким образом, ведь никаким клеем я не намазывал?

– Ха-ха-ха!.. – завыл от злорадного удовольствия Инфант, которому больше нравился не сам рассказ, а моя беззащитная откровенность. Которая, как и любая откровенность, – всегда беззащитна. – Хи-хи-хи. – Он просто потешался надо мной, этот весельчак Инфант. А вот Илюха смотрел сочувственно и с пониманием. Видимо, он тоже не знал, как столик своей крышкой мог приклеиться к полу, особенно без клея.

– Ну, в общем, была у меня догадка, но я не стал ее проверять. – продолжил я. – Потому что если ее проверять, то надо было снова все винтики откручивать, чтобы снова ножку отделить от стола. А зачем я ее закручивал тогда так добросовестно? Не может быть, чтобы

напрасно. Короче, избрал я чисто наш, российский, силовой вариант и дернул, поднатужившись, в четвертый раз. И сдюжил я.

– Ну и чего, оторвал ножку от крышки? – даже не пытаясь скрыть внутренней радости, предположил Инфант.

– Нет, конечно. Я же говорю, я добросовестный и ножку на совесть прикрутил, она даже не вздрогнула. А вот столик вздрогнул, и паркетный пол вместе с ним. И даже более того, затрещал неприятным таким треском, а потом поддался, но сразу легко очень. То есть сначала никак не поддавался, а потом невероятно легко и свободно, я аж отлетел к стенке с инкрустированным столиком в руках. Но и не только с ним, а еще и с паркетинкой, выломанной из стройного ряда своих сестренек-паркетин. Так я и стоял, недоумевая, вместе со столиком и с паркетинкой: почему она к столику так примерзла намертво? Ведь клея-то не было. Газета между ними была, но не клей ведь!

– Ну и почему? – задал искренний вопрос Илюха, который не понимал не меньше моего.

– Я потом догадался, – вздохнул я. – В винтиках все дело.

– Так я и думал! – вскричал Илюха, не пытаясь подавить возбуждения.

– Ну да, – согласился я. – Винтики не только непомерно острыми оказались, но и слишком длинными еще. Вот и прошли насквозь инкрустированную столешницу, чтобы потом вонзиться в инкрустированную паркетину. Цепко вонзиться, намертво, можно сказать. Так что, когда я потянул, столешница за собой паркетину и потащила. А ведь лучшие были винтики, во всяком случае, из тех, которые имелись, – снова вздохнул я. – Пришлось мне их заново отворачивать.

– Ну ты дал!.. – визжал от восторга навзрыд Инфант, так что даже с соседних закусовых мест народ в нашу сторону шеи начал вытягивать. – Ну ты, лапуля, замочил, ну ты...

– Инфант, попридержи, не злобствуй, – заступился за меня сочувствующий БелоБородов.

Но Инфант не злобствовать не мог. Мало у него удовольствий в жизни набиралось, и когда все-таки выпадало, он должен был максимально его, это удовольствие, обсосать. Какое бы оно ни было.

– Короче, паркетину я, конечно, отделил. Не приклеилась она, потому что, как я и предполагал, не было никакого клея, а прикрутилась. Вот я ее и открутил, а потом долго пытался вставить на родное ее место в полу. Но она не вставлялась – то горбилась, то распирала, то не влезала полностью в отверстие в паркете. Долго так продолжалось, часа три, я аж взмок весь, и так и этак на нее напирал и все-таки засунул ее, падлу, на место. Одной силой воли засунул. Не идеально, конечно, получилось – во-первых, с зазорами, во-вторых, если на нее наступить, то подпрыгивает она. А в-третьих...

Тут я снова обвел взглядом товарищей.

– ...а в-третьих, и в самых главных, она с дыркой от прокрученного винта оказалась, прямо посередине, на самом видном месте. А тут хозяйка, Кларина мамаша, уже всполошилась вся: мол, голубчик, и чего вы это так долго? Все ли в порядке со столиком? Идите чай пить. А я ей: «Не беспокойтесь Тамара Павловна, вы лучше расскажите, что у вас с четверым вашим мужем приключилось? Как вам удалось так его надолго пережить? И вообще, посидите еще чуток на кухне, мне закончить технически очень сложную реставрационную работу необходимо. Вы мне здесь, на производственных площадках, только мешать будете. Дайте-ка мне лучше спичек коробочек».

Ну а когда она мне их дала, я спички в дырку паркетную натыкал, чтобы не чернела она бельмом в глазу, да они и по цвету почти подошли. То есть если приглядываться, то заметно, конечно. Но с другой стороны, кому это надо, к полу приглядываться?

– Ты их головками вверх натыкал? – спросил серьезно Илюха, для которого рассказ, похоже, становился все более и более поучительным.

– Ну конечно, – сказал я, – а чем же еще? Конечно, вверх. Там ведь пол такой старый, с коричневатым оттенком, так что головки серными своими наростами лучше всего по цвету вмастили. Я же говорю, хоть они и торчат немного, но если не смотреть, то и внимания не обратишь.

– А... – еще более задумчиво протянул Илюха и снова ушел в себя, теперь уже глубже. – И сколько ты их туда насовал? – из глубины еще раз поинтересовался он.

А я еще подумал, что надо же, как пронял его мой рассказ. Может, у него тоже дырка где-нибудь в квартире, и ему тоже надо ее чем-нибудь законопатить.

– Да штуки четыре-пять. Винтик, ну, которым я в паркетину вошел, значительно толще средней спички оказался.

– И всех их головками вверх? – зачем-то еще раз уточнил Илюха, покачивая меланхолично головой. Как будто постоянно сверялся со своими внутренними мыслями.

– Ну а как же? В любом деле последовательность должна присутствовать, если, конечно, к нему совестливо подходить.

– Ну конечно, – согласился Илюха и положил мне ладонь на запястье, поддерживая как бы морально. Зачем положил, зачем поддерживал? – тогда я еще не знал.

– А чего со столиком? Что ты с дыркой в столешнице сделал? Как ты инкрустацию на ней восстановил? Фломастерами, что ли, подрисовал? – козлиным от счастья голосом поинтересовался Инфант.

– Ну а что со столиком? – Я пожал плечами. – Ничего со столиком. Фломастерами я, конечно, пытался, даже акварелью пытался, но не вышло у меня ничего, навыков акварельных у меня недостаточно оказалось. В общем, я строго-настрога запретил хозяйке к нему подходить, сказал, что самая тонкая работа по реставрации еще впереди. А потом накрыл его тряпочкой и к стеночке приставил, подальше от ненужных взглядов.

Тут я развел руками, мол, а что мне еще оставалось? А потом продолжил:

– Правда, пришлось ему все три остальные ножки пообломать, потому что с ножками он слишком много места у стенки занимал. Высовывался слишком. Ну да это ничего – когда я реставратора туда приведу, он все зараз и восстановит. А то хозяйка рано или поздно тряпочку со столика смахнет, а там на самой поверхности дырка от сквозного винтика. Нехорошо будет, да и репутация моя может пострадать.

– Не пострадает, – неожиданно заверил меня Илюха.

Но я не понял.

– Почему не пострадает?

– Потому что не смахнет тряпочку со столика хозяйка, – пояснил снова Илюха.

И я снова не понял.

– Почему не смахнет?

– Не сможет она больше, – еще раз постарался объяснить мне мой товарищ, и голос его с каждым вздохом все больше и больше наливался скорбью. В общем, он меня окончательно запутал и сбил.

– Почему не сможет?

– Видишь ли... – и Илюха слегка пожал мое запястье, на котором по-товарищески лежала его ладонь. – Видишь ли, стариканчик... – и он тяжело вздохнул. – Видишь ли... – и опустил голову... – Сгорела хозяйка!

Я хотел выкрикнуть вопросительное слово «как?», но не смог, чего-то оно не выкрикивалось. Может быть, потому что я слишком живо представил, как именно произошла трагедия.

– А столик? – все же ухитрились произнести мои онемевшие губы.

– И столик сгорел, – и Илюха покачал траурно головой. – Нету больше столика.

И вот тут меня действительно словно связали по рукам и ногам, словно кляп в рот вбили.

«Как нету? – хотел прошептать я, но не смог. – Я ведь его только вчера видел, трогал его по гладкой, глянцевой поверхности, вкручивал в него до основания. И вот – нету! И больше не будет никогда! Не может такого быть!»

– Понимаешь... – заполнил паузу Илюха, все пожимая и пожимая мое запястье, просто-напросто одним непрерывным скорбным пожимающим спазмом. – Уже ночью, когда за окном темнота сковала улицы и приглушенные шаги поздних прохожих отдавались эхом в каменных арках, в это самое время хозяйка проснулась в своей одинокой спальне. Что-то беспокоило ее, не давало заснуть. Нет, не воспоминания, не прошлая увядшая любовь, не семеро ее скоропостижно скончавшихся супругов... Нет, ей просто-напросто захотелось в туалет. По обычной человеческой надобности. И она не могла себе отказать. Да и почему надо отказывать себе в этом, тем более одинокой пожилой женщине?

Тут мы все пожали плечами, мол, а действительно, почему? И не нашли ответа.

– Она встала в чем была, – продолжал свой рассказ Илюха, – а именно в длинной ночной рубашке... Понимаешь, у нее несколько толстоватые лодыжки, и она не любила выставлять их напоказ, даже перед всеми своими мужьями. Вот и носила всегда длинные ночнушки до пят, так у нее в привычку и вошло. Пол холодил, и она вставила ноги в домашние тапки, очень удобные, мягкие, теплые, без задника, которые и ждали послушно всю ночь свою хозяйку прямо здесь, у кровати. Ничего не предвещало беды, ведь не раз она уже проделывала этот рутинный маршрут из спальни в туалет – ведь всего-то надо было пересечь гостиную. Но в эту роковую ночь гостиную ей пересечь было не суждено...

– Не суждено... – эхом отозвался я.

– Потому что где-то посередине пути что-то взвилось из-под ее ног, а потом взмыло вверх искрящимся фейерверком и тут же стало стремительно подниматься сжатым огненным жгутом. Любого бы от такой неожиданности посреди ночи кондрашкахватила – вздымающееся пламя в собственной гостиной. Уж не Божья ли кара за семерых похороненных мужей? Вот и Тамара Павловна не оказалась исключением. Отпрянула она в неловкой поспешности к стенке, именно к той, к которой был прислонен накрытый тряпочкой инкрустированный столик с обломанными ножками. Тут пламя с подола ее длинной ночнушки на тряпочку да на столик и перекинулось. А Тамара Павловна от сильного потрясения да и от нарастающего жара несколько помутилась головой. И видимо, в первые минуты представила она себя новой Орлеанской девой.

– Жанной д'Арк, – попытался я успокоить тут же встрепенувшегося и вечно голодного на свежие знания Инфанта. Но не успокоил. Потому что с историческими именами французских народных героев у него вообще был полный провал.

И вместо новых объяснений я протянул к нему свободную ладонь, накрыл ею его запястье и сжал его крепко, успокаивающе, мол, молчи, мудила, не мешай живому рассказу.

Так мы и сидели в кружок, сжимая друг друга за запястья, и перед нашим воспаленным коллективным воображением предстала тихая ночная комната и мечущаяся по ней в охваченной огнем ночной рубашке пожилая женщина. Которая в панике пытается еще сбить подступающее к толстоватым щиколоткам пламя. А от ее отчаянных взмахов еще и искры повсюду, которые неистовствуют безжалостным бенгальским огнем и ложатся прямо на инкрустированный столик и на тряпочку, которой он накрыт.

– В общем, – продолжал скорбный Илюха, – относительно воды и медных труб не знаю, но вот испытания огнем мамаша не выдержала. В конце концов оступилась, упала, потеряла сознание и так, оставаясь без сознания, и продолжала гореть еще некоторое время. Со столиком на пару. Да и кто выдержал бы, когда у тебя посередине ночи из-под ног трехглавым драконом пламя вырывается?! Любой бы поколебался. Особенно когда сильно писать хочется.

– А у нас в семье всегда говорили не «писать», а «пикать», – все же влез Инфант в тему своей не к месту взявшейся реминисценцией. – И слово «писать» с детства режет мне слух

своей плебейской вульгарностью, не то что благородное слово... – Но тут я так настойчиво сжал его за запястье, что он тут же поостыл на благородные слова.

– И что Тамара Павловна, хозяйка в смысле, заживо сгорела, насмерть? – спросил я вибрирующим голосом, потому что жалко мне стало пожилую женщину. Ну подумаешь, семь мужей похоронила, может, она и не виновата вовсе, может, они ее любовный женский темперамент не выдерживали. А за любовный темперамент винить никого нельзя, особенно если он женский.

– Да нет, – быстро успокоил меня Илюха. – Погорела немного без сознания и перестала, затухла сама по себе. Если бы ты там, вокруг нее, не только спичек понатыкал, но и бензинчиком полил, тогда бы, может, и полностью сгорела. А так от одних спичек подпалилась, конечно, малость, но вся не занялась. Ее в больницу увезли, не так с ожогами, как с сильным расстройством нервной системы. А вот столик – тот сгорел. Да и то, он деревянный все же, хоть и инкрустированный. Лишь ножка одна и осталась, та самая, которую ты пытался так тщетно...

– Да, – согласился я, – развязочка.

И мы снова пожали друг другу запястья.

– Чего-то я не понял, – вдруг пожаловался Инфант, который единственный никому ничего не пожимал. – Откуда пламя взялось, каким образом возгорание возникло? Ведь не могло же само по себе.

– Вот этим вопросом милиция сейчас и занимается, – посмотрел на меня внимательно Илюха, и мне снова резко поплохело. – Основная версия – преднамеренно спланированный теракт, ну и понятно, на кого косят. Вроде бы даже нашли одного приезжего, допрашивают. Хотя если между нами, то понятно, конечно, что бабуся просто подошвой от тапочка, ну, который без задника, по спичкам чиркнула. Вот от трения о шероховатую поверхность и возгорелось. Спичечные головки – они и в паркете головки, вот и сработали серой.

Мы снова помолчали. А потом возник у меня законный вопрос:

– Б.Б., – спросил я, – а откуда ты все это знаешь?

Тут Илюха задумался ненадолго.

– Да мне Кларчик вчера позвонила, жаловалась вся, просила психиатра хорошего для мамы подыскать. Вот и рассказала. Я с врачом поговорил, он сказал, что надежда имеется, что оклемается Тамара Павловна, – в ее жизни небось еще и не такие стрессы случались. Семь мужей-то! Они хоть и не одновременно у нее были, а по одному, но все равно – какова нагрузка! Но вот прежней, предупредил врач, Тамара Павловна уже не будет никогда. Сильно все-таки повлияло на нее возгорание. И в туалет по ночам, видимо, перестанет ходить, в себе научится сдерживать до утра.

Он замолчал. Я сидел, жалея пожилую женщину, Кларину маму, тихо кивая в такт своей жалости головой.

– Ты знаешь, Розик, – голос Илюхи набрал доверительности и сочувствия, – если тебя кто-нибудь куда-нибудь будет звать, ну, починить чего или отреставрировать... Ты, знаешь, ты не ходи. Отнекивайся, придумывай причины веские и не ходи. От греха подальше. Они, те, кто звали, тебе потом искреннее спасибо скажут. А то из тебя какой-то Герострат получается в храме Венеры. Ты, конечно, думаешь, что Анна Павловна до Венеры недотягивает, но ведь с другой стороны, все-таки семь мужей...

Инфант, слышав сразу два незнакомых слова, тут же встал в любознательную стойку, и мне снова пришлось пожать его запястье посильнее.

– Да, да, – поддакнул, невзирая на неприятные ощущения, Инфант, – не надо тебе ремонтами и реставрацией заниматься. Кстати, а кто такой этот Стратостат?

– Да если бы только в ремонте да в реставрации дело, – не заметил я по привычке Инфантов вопрос. – Это скорее рок, судьба, providence.

– Ты о чем? – снова проявили ко мне интерес товарищи.

Глава 3

За 174 страницы до кульминации

– Да так, – попытался отнекаться я. Но не получилось. – Да вчера вечером, после того как я от Тамары Павловны освободился, мне Жека позвонила.

– Наша Жека? – спросил Илюха.

– Хвостастая? – накручивал свои обороты чудачества Инфантист.

– А какая же, другой нету, – подтвердил я. – Так вот, ее на день рождения подружка пригласила, а Жеке не хотелось. Вы же знаете, ей обычно скучно в кругу только одних подруг, но и не приходило бы как-то неудобно. Вот она и попросила меня пойти вместе с ней для разнообразия как бы. Хотя меня, собственно, туда и не звал никто. Подругу-то я знаю немного, видел пару раз, но близости у нас с ней вообще никакой не было, более всего душевной – не то что мы антипатичны друг другу, но равнодушны скорее. Ведь не всем же ты нравиться можешь, стараешься, конечно, но все равно – всем не получается.

– Всем девушкам нравиться сложно, – согласился со мной Илюха. – Да и ни к чему. Надо уметь выборочно нравиться – только тем, кто заслуживает того. Хотя и это непростая задача.

– Так вот, – продолжал я, – именно этой Жекиной подружке мне понравиться как раз и не удалось. Я так Женке и объяснил, мол, может, не стоит мне туда. Но вы же знаете Жеку, ей все по фигу, все эти эмоциональные сомнения и прочие интеллигентские выкрутасы. Она ведь человек твердых решений.

– Все хвостатые такие... – сделал было еще одну попытку Инфантист, но у него опять не получилось.

– «Да туфта все это, – говорит мне Жека, – кого волнует? Все эти симпатии, антипатии... День рождения – это прежде всего – дело. Вот я тебя на дело и подбиваю». И знаете, уговорила она меня, вот так, просто и легко, как только Жека умеет. К тому же после длительного общения с инкрустированным столиком мне просто необходим был контакт с живыми людьми, да и выпить немного не помешало бы. В общем, пошли мы. Ну, там застолье, день рождения все-таки. Хозяйка, когда дверь нам открыла, посмотрела на меня не то что недоброжелательно, но и без заметного энтузиазма тоже. Но мне-то чего? Я с Жекой на дело вышел и цветы ей, этой хозяйке, протягиваю.

– Как хозяйка-то? – не смог пройти мимо хозяйки Илюха.

– Да никак, праздничная, конечно, но... Это, пожалуй, и все, что можно о ней сказать. Мы все сначала перекусили малость, выпили, конечно, немного, а потом они стол сдвигать начали, место высвобождать, вроде как для танцев.

– И тут ты им в паркет бикфордов шнур засунул? – предположил Инфантист, и мы все улыбнулись его наивности. Даже я.

– Да нет, какой там шнур? Не было у меня шнура, – развел я руками. – Мне там просто скучно стало. Ну, вы знаете, я порой веселый могу быть, просто душой компании, но для этого вдохновение окрылять должно и энергия наружу вырываться. И чтобы компания была соответствующая. А тут после всех этих волнений с инкрустацией, да еще когда на тебя смотрят с самого порога недружелюбно – оказался я как-то скован и смущен, и не в лучшей своей форме. Да вы знаете, с каждым такое случается время от времени.

– Ты думаешь, с каждым? – вздохнул с надеждой Инфантист, вспоминая, каким он бывает время от времени.

– В общем, они там веселятся, танцуют вроде даже, к Жеке какой-то тип клеится, до которого мне дела нет. Раз ей подходит, то я только рад. Но вот сам я бесхозный какой-то, как не пришитый ни к чему лацкан. Хотя были там, конечно, девушки, но, видимо, инкрустация

все же во мне что-то в этот день надорвала. Как-то все они не по мне приходились. Не буду уточнять, не по мне – и все! Говорю ведь: отсутствовало во мне вдохновение.

– Без вдохновения тяжело, конечно, – согласился было Илюха, но тут же сам себе и возразил: – Хотя как девушки могут не вдохновлять? Вот здесь, в этом самом месте, я, стариканыч, тебя не понимаю.

– В общем, – продолжил я, – решил я тебе, Б.Б., позвонить, чтобы тоску свою разогнать. Подумал, может, ты тоже подтянешься, потому как чувство знакомого локтя – оно всегда важно, особенно на чужих вечеринках, где ты гол и одинок, как сокол.

– А почему «сокол» гол? Он же в перьях? – поинтересовался про пернатых Инфант, но мы не стали ему отвечать. Еще и оттого, что привыкли воспринимать все народные выражения дословно, не допытываясь и не ставя их под сомнения.

– Вот я и решил позвонить, – продолжал я. – Ну вы знаете, мобильниками я из принципа пренебрегаю, а значит, стал искать по квартире домашний, стационарный телефон. И вскоре нашел его, допотопный еще, с проводом к телефонной трубке и почему-то на сервантной полке. Меня сразу место расположения телефона удивило – зачем телефон в сервант ставить? Но, послушайте, кто я такой, чтобы в чужом доме свои порядки наводить? Ну, нравится им в серванте. Может, они им и не пользуются никогда, может, он у них только для антикварного декора? Мне-то чего, я и с сервантной полки запросто телефонный набор могу произвести. Вот и стал набирать.

– И чего? – скривил в саркастической улыбке губы Инфант. – Взорвалось, что ли, чего? Как ни странно, он угадал.

– Ага, – вздохнул я. – Даже хуже. Полочка в серванте неприкрученной оказалась, просто так, на каких-то шатких штырьках сама по себе покоилась. Нет чтобы им меня заранее попросить полочку прикрутить. Я бы прикрутил, крепко, навывлет – навык у меня теперь, после инкрустированного столика, имеется. Так нет, на неприкрученную полочку телефон поставили. Тоже – нашли куда! А я как раз при наборе номера на полочку локтем и оперся, несильно, но ей хватило.

Тут я выдержал театральную паузу, которая здесь полагалась. Хотя она и печальной, эта пауза, получилась.

– И съехала полочка со штырьков, или, если образнее, скажем, сошла с рельс. И грохнулась вниз, именно как военный эшелон, подорванный партизанами. И не одна грохнулась, а с телефоном, на ней стоящим. Но и не только с ним, а со всем, что на ней, на полочке, было установлено. А было установлено там многое!

Тут я выдержал еще одну паузу. Тоже печальную.

– Потом по осколкам в точности восстановить, какой кусок к чему относится, конечно, трудно было. Но по общему объему разброшенного по полу хрусталя, фарфора и прочих каких-то материалов тянуло на несколько солидных ваз, кубков, статуэток, ну, фужеров, конечно, возможно, с салатницами... И прочего всего, разного, что на нижних полках стояло и тоже, увлекаемое верхней полкой, вниз соскочило. И тоже вдребезги. То есть с точки зрения бьющихся предметов дом Жекиной подруги сильно все-таки истощился. Может, и осталось в нем чего-нибудь еще, но если и осталось, то лишь на кухне, куда я просто еще зайти не успел. В общем, чего там скромничать, прошелся я по квартире Чингисханом.

– Это точно, – закивал Инфант. – Ты иногда хамом бываешь. Но почему чианиз? Ты что, китайский хам, что ли? Ведь «чианиз», если меня не подводит память, в переводе с английского означает...

Но ни я, ни Илюха на Инфанта-англомана даже не глянули.

– Да, стариканер, если бы случить Герострата с Чингисханом, то в плане ихнего потомства ты бы у них старшим сыном вышел, – предположил БелоБородов.

– А что, Стратостат был женщиной? – снова проявил инициативу Инфант и снова в пустоту.

– Но, главное, представьте себя на моем месте, – продолжил я, и на этих словах оба моих товарища закачали в сомнении головами. Мол, невозможно такое представить – нас да на твоём разрушительном месте. – Даже если забыть про сгоревшую по моей вине Тамару Павловну, то все равно нелегкий мне денек выдался. Ведь вся эта хрустальная тяжесть грохнулась с полками прямо-таки на меня, увлекая за собой. А если бы и я вдребезги? А если бы психика у меня оказалась слабой, как у той Тамары Павловны, что тогда?

Тут оба моих слушателя только развели руки, не умея ответить на вопрос.

– А тут еще подлетает с кухни на звон бьющегося хрусталя хозяйка дома, ну та, которая недолюбливала меня с самого начала, и не верит своим глазам. Потому что зрелище действительно тяжелое, особенно для любой умелой, бережливой хозяйки. Руками только всплеснула, как пушкинская лебедушка крылами, и готова уже, похоже, сознание терять. Под глазами сразу же темные круги нарисовались, да и общая бледность к лицу однозначно подступила. Ну а мне что делать, какие мне слова для нее утешительные найти, чтобы не переживала она так? Что тут скажешь? Ну не предлагать же возместить урон материально? Во-первых, такой урон, а повторяю, побилось там недешево, мне и возместить бы не удалось. А во-вторых, дело-то не во мне, дело в полке, которая оказалась халатно не прикручена.

– Да, обстоятельства иногда бывают сильнее нас, – вздохнул Илюха, видимо, все глубже и глубже входя в мое неловкое положение.

– В общем, надо мне было как-то поддержать хозяйку, которая хоть и пыталась улыбаться по сторонам ради приличия, но глазами меня не любила пуще прежнего. А глаза – они же зеркало души, как сказал прозаик. Так вот, у этой хозяйки они были выпуклым, кривым зеркалом и увеличивали ее душу в несколько раз. Во всяком случае, отношение ее души ко мне. И не виделось в этом отношении ни понимания, ни сострадания, ни даже прощения, а наоборот, недоумение: «Что именно этого человека привело в мой дом? Зачем он разорил его? А главное, почему он не торопится уйти?»

– Да потому, – ответил за меня Илюха, – что мы иногда все же сильнее обстоятельств.

Тут я с Илюхой согласился и продолжил:

– Усадил я, значит, хозяйку в кресло, стоящее поблизости, а сам все думаю: ну как же мне ее поддержать, бедненькую, хотя бы морально? В конце концов, делов-то, подумаешь, хрусталь с фарфором – они же, как ни крути, то же стекло. Пусть и произведенное по более сложной технологии. «Да, ладно, – говорю я хозяйке, – вы, Зочка, не горюйте. Посмотрите, сколько стекла вокруг разбитого, а ведь битое стекло, как известно, на счастье. Только представьте, говорю, сколько счастья вас теперь ожидает. Редкого, дорогого счастья, под стать разбитым предметам».

– Так и сказал? – не поверил Инфант.

– Слово в слово, – подтвердил я.

– Ну и нервы у тебя! – порадовался за меня Инфант.

– Ну а что было делать? Какие другие правильные слова найти? А найти правильные слова было необходимо. Потому что женщина, даже если она к тебе и недоброжелательная, на добрые слова первым делом реагирует.

– Это правда, – подтвердил Инфант, который про недоброжелательных женщин знал если не все, то многое.

– Но если на хозяйку мои слова и подействовали, то не в нужную сторону. Смотрю, она от них еще сильнее бледнеть начала, видимо, перспектива близкого обильного счастья слишком неожиданно на нее свалилась. И понимаю я, что одними словами не обойдется – выпить ей надо немного. Благо стол с бутылками и закусками рядом, даже на кухню спешить не надо.

В общем, налил я ей, поднес к онемевшим ее губам и начал вливать потихонечку, так, чтобы она не захлебнулась...

– Но она захлебнулась? – перебил меня Инфант очередным радостным предположением.

– Нет, Инфантище, на сей раз ты не угадал, не захлебнулась она, совсем наоборот. Влил я ей тонкой струйкой, и стала она дышать ровнее. Все-таки полстакана водки на хрупкую женщину всегда оздоровительно действует.

– Полстакана! – удивился Инфант.

– Ну, не стакан же. Говорю, хрупкая она была, опьянела бы от стакана. А я тут же закуську ей накладываю, салатик оливье, селедочку под шубой и прочее, традиционное. Тарелочку, пока еще не разбитую, отыскал, вилочку в хозяйюшкины ручки вложил, а разжевывать и глотать – это уж ее добровольное дело. А остальные гости, понабежавшие отовсюду, – они уже хрустальные осколки в кучки сгребают и в ведра сваливают. Так как в одно ведро ну никак не помещалось. В общем, вскоре все встало на свои места – пол чистый, хозяйка Зоя постепенно в себя приходит, круги под глазами ближе к глазам сдвинулись. Я ее подкармливаю с вилочки, и она не сопротивляется особенно, даже на меня стала посматривать – хоть и по-прежнему с опаской, но уже и без особой лютости.

– Так, так, – задумчиво проговорил Илюха и как-то слишком внимательно стал вглядываться в меня.

Но я лишь пожал плечами, продолжая:

– Единственное, конечно, – сервант неприлично осиротел. Жалко и одичало смотрелся он совершенно пустой, будто Полифем светит тебе одной своей ослепшей глазницей.

– Кто, чем, почему? – забеспокоился было Инфант от сильно незнакомого названия, но потом затих постепенно.

– Да и у меня на сердце все-таки тяжесть камнем легла, – продолжал я, не обращая внимания на Инфанта. – Что же, думаю, меня такое преследует сегодня? Просто какая-то волна разрушений целый день подряд. А вдруг это рок, провидение такое? Может, я сегодня для общества опасный? Может, мне затаиться где-нибудь до утра, пока новую катаклизму не учинил?

– Скажи, пожалуйста, – подозрительно вежливо прервал меня Илюха. – А стол со всеми выпивками и закусками от серванта далеко находился?

Я аж удивился: ну что за нелепый вопрос? К чему? Но все же ответил, раз товарищ спрашивает:

– Да нет, близко совсем. Его, когда место для плясок освобождали, прямо к серванту и сдвинули, лишь узкий проход оставили. Мне, чтобы к телефону пробраться, в основном бочком приходилось протискиваться.

– Ага, – снова сосредоточенно закивал головой Илюха. – Скажи, – продолжил он дознание, – а не заметил ли ты в серванте, ну, до того, как он опрокинулся так неудачно, цветка какого-нибудь в вазочке?

И что-то опять задело меня в его голосе. Может быть, подозрительно точная осведомленность о месте происшествия.

– Точно, был цветок, маленький такой, невысокий, – вспомнил я. – Именно в вазочке. Хорошая такая вазочка, небольшая, тонкой работы. Разбилась, конечно, от падения. Да и цветок был симпатичный, типа кактуса, неброский такой, но деликатный, очевидное дитя безводных пустынь. Я потому и запомнил про цветок, что удивился даже, пока полка на меня сползала: почему это кактус – и в вазочке с водичкой? Вроде бы кактусы в горшочке с землей выращиваются. Хотя, если честно, растениевод я – не ахти. А уж кактусовод – тем более.

– Ты не только растениевод «не ахти». Ты многое чего, как выясняется, «не ахти», – не преминул злорадно воспользоваться моей слабостью Инфант. А вот Илюха, наоборот, задал еще один серьезный вопрос:

– А когда цветок падал, водичка из вазочки на закуски с салатами не пролилась случайно? – продолжал допытываться он.

– Может, и пролилась, – пожал я плечами. – Стол к серванту близко придвинут был. Вот, например, на «под шубу» запросто могло пролиться, потому как «под шубой» именно на том краю стола и находилась. Да и оливье, кажется, недалеко.

– И она, хозяйка Зоя, значит, покушала их немного? И оливье, и «под шубой»?

Он стал мне надоедать своими дотошными вопросами, этот Б.Б. Но я проявил выдержку и ответил терпеливо, как мог.

– Ну да, я же говорил. Особенно она на «под шубой» налегла. Да оно и понятно, свекла с селедочкой хорошо на пару нейтрализуют.

– Не все они нейтрализуют... Не все... – пробурчал себе под нос Илюха и сбился, и замолчал.

– Ну и что было потом? – вернул меня к сути Инфант.

– Да ничего не было, тишина. В прямом смысле – ни музыки особенной, ни радости дня рождения. Так что я потихоньку оделся, Жеке махнул и отчалил один, в поздний уже вечер. А что у них было потом, как хозяйка довеселилась? Этого я не знаю. Надо будет с Жекой поговорить, узнать.

– Говорил я с Жекой, узнал, – поднял на меня невеселые глаза Илюха. – Довеселилась хозяйка. В больнице хозяйка, в реанимации.

– Чего?! – не понял я.

– Прихватило ее сильно ночью с животом, даже туалет не помог. Пришлось «Скорую» вызывать. Тяжелейшее отравление, на все тело перекинулось. Врачи точного диагноза пока не установили, но, похоже, от цветочка, который ты, старикашка, ей в тарелку выжал, а потом скормил заботливо. От кактуса этого экзотического. Он из Африки родом, кактус этот. Кураре – не кураре, но туземцы ихние до сих пор в его соку стрелы смачивают. Крупного зверя он не завалит, слона или носорога, но на антилопу какую-нибудь его вполне хватает. Ты говоришь, хозяйка Зоя хрупкая оказалась? Хорошо, что через желудок вошло, потому и выжила пока.

Я сидел и не верил своим ушам, и Инфант, который был рядом, тоже не верил. Он только положил мне ладонь на левое запястье и сжал по-товарищески. Потому что на правом запястье лежала Илюхина ладонь, которая тоже все сжимала и сжимала.

– Кто ж знать-то мог? – только и вырвалось у меня. – Что они дома опасные цветки разводят, да еще в вазочках. А если бы я на его колючки накололся?

– Действительно, – тут же встал на мою сторону Инфант, – и нас бы всех сейчас тут разом перезаразил. У тебя, кстати, никакого повреждения на левом запястье нет? – спросил он, поспешно отдергивая ладонь.

– Да нет, – успокоил нас кактусовед Илюха. – У него, у кактуса этого, через колючки не передается, только вместе с соком. Прямо как у нас, у людей. Вот в водичку немного сока попало, а потом на «под шубу». А потом в Зоин хрупкий организм.

– Ну и как она, Зоя, выживет? – Мне стало жалко недавнюю хозяйку. Видимо, не принесли ей счастья горки разбитого хрустала. Пока еще не принесли.

– Да ничего, оклемается, – успокоил нас с Инфантом Илюха. – Только вот на «под шубой» у нее теперь, наверное, неприятие выработается. Никогда ей, похоже, больше не лакомиться «под шубой».

– Ну, это ничего, – успокоился я. – В жизни бесчисленно радостей, «под шубой» – больше, «под шубой» – меньше. Ерунда, не в шубе, в конце концов, счастье. Да и под шубой часто ничего нет особенного...

И мои друзья улыбнулись моему оптимизму и легко с ним согласились.

А тут зазвонил телефон, прямо у Илюхи в кармане зазвонил. Илюха его извлек, а потом разговаривал по нему, не долго, но интенсивно.

– Ну что? – спросили мы Илюху, когда он нажал на красную кнопку «отбой». – Какие новости?

– Мишка звонил, Лондырев. У него девушка новая появилась, в которую он шибко влюбился сгоряча. Вот он по этому случаю гостей зовет на сегодня, влюбленность их обоюдную обмывать. И меня пригласил, попросил, чтобы я девушек каких-нибудь свежих с собой прихватил. Народу там много будет, и он боится, что с девушками нехватка может произойти. Ну что, поедем? – обратился к нам Илюха.

– Ну а мы тут при чем, мы ж не девушки, мы наоборот, – заартачился было я. – И вообще, зачем нам туда, где их нехватка, нам надо туда, где их хватка.

Тут Инфант снова встал на мою сторону и снова закивал головой, мол, давай лучше туда, где девушек в избытке. Потому что в любом случае из кафе уже пора было сваливать – кофе в чашках закончилось, да и омлет уже даже на вилку не накалывался.

– Да будут там девушки, – успокоил нас Илюха. – К тому же все незнакомые, что хорошо. Просто не девушки там тоже будут в достатке. Ну а что они нам? Только на пользу, раствориться будет в ком, если потребуется. Потому что, стариканер, с тобой в гости, – обратился он уже непосредственно ко мне, – особенно после вчерашнего... Не знаю... Ты уверен, что твоя разрушительная волна на вчерашнем оборвалась, что цунами закончилось с наступлением нового календарного дня? Что не будет повторных подземных толчков или, как их называют специалисты, автошоков?

– Как-как их называют? – заторопился Инфант, который каждый раз боялся упустить новое, увлекательное для себя слово. Но в ответ ему прозвучала тишина.

– Не знаю, Б.Б., – начал оправдываться я. – Я в себе эту разрушительную силу не контролирую, она мне свыше дана. Хотя, думаю, притухла она после вчерашнего, после опаленной Тамары Павловны и отравленной Зои должна была притухнуть. Про столик инкрустированный да про хрусталь из серванта я уже не вспоминаю.

– А напрасно, – пробурчал Инфант, но мы сделали вид, что не расслышали.

– Ну ладно, будем надеяться, что приутихла, – понадеялся вслед за мной Илюха. – Потому как Лондырев, он вообще хороший парень, ну, вы его видели. Тихий, интеллигентный, в очках, и за девушку я его рад, потому что не часто везет ему с девушками. Так как, говорю, тихий он и интеллигентный, с консерваторским почти образованием.

– Что значит «почти»? – снова попросил уточнения Инфант. Но кого волнуют подобные уточнения?

– Так что ты, старикашка, – продолжал апеллировать ко мне Илюха, – не обижай его, и квартиру его не обижай. Попридержи свою парапсихологическую силу, не направляй ее против Лондырева.

– Я постараюсь. – Я пожал плечами. – Но говорю же, не все в моей власти, не контролирую я ее полностью. Но обещаю, что буду сдерживать ее внутри себя и постараюсь не дать ей выплеснуться наружу.

– Вот и хорошо, – принял мои заверения Илюха. – Давайте сейчас отдохнем друг от друга несколько часов. – Тут он обвел Инфанта взглядом. – А в семь на «Щукинской». Потому что Лондырев именно там, на «Щучке» и поселился.

И мы стали платить за омлет и за кофе. У Инфанта немного на омлет недоставало, но ничего, мы добавили, а потом я поднял глаза на юную официантку, которая смирла нас сверху вниз профессиональным официантским взглядом.

– Счастливая вы, – сказал я ей. И она, заслышав слово «счастье», оторвалась от счета и перевела удивленный взгляд на меня.

– Чего это я счастливая? – заинтересовалась она немного обиженным голосом.

– Да по вашим глазам видно, светятся они прям счастливыми лучиками. Так и хочется стоять перед вами и загорать под вашим взглядом. Как под солнышком летом. Даже крем от загара, похоже, не пригодится.

Я к чему это все начал? Лондырев ведь просил девушек с собой привести, хоть сколько-нибудь. Вот я и закинул невод на всякий случай, так, по инерции скорее. Потому что привод девушек всегда был на моей совести. Так как в «опекунском совете», который был создан при Инфанте, я отвечал за девушек. Не только за них, но в основном – за них. (Читай «Попытки любви в быту и на природе».)

Но видимо, официантка не хотела, чтобы мы стояли перед ней и загорали под ее лучиками и напоминали ей своим видом о креме. И она позвала в сторону:

– Мить, а Мить, – позвала она. – Тут ко мне пристают.

Я посмотрел на Илюху и развел руками:

– Ну не получилось, – сказал я.

И Илюха тоже развел руками, мол, не всегда же должно получаться.

И мы встали и, не дожидаясь обещанного Митю, покинули гостеприимное заведение.

– Ну что, – посоветовали мы Инфанту на улице, – ты отдохни пока малость от омлета с кофе. А в семь на «Щуке» встретимся.

И мы двинулись в разные стороны, потому что Инфант пошел к себе на какую-то Ямскую-Тверскую, а нам с Илюхой требовалось в метро.

– Стариканыч, – предложил я по дороге Илюхе, – может, к Лондыреву Жеку взять? Она же – девушка, как тому и требуется, к тому же она сама наверняка с удовольствием откликнется. Ей, когда перебор с мужчинами, всегда хорошо.

– Конечно, – согласился Илюха. – От Жеки всегда только дополнительное удовольствие.

– Дай мобильник, я ей сейчас позвоню, – попросил я Илюху, и он полез в карман.

– Когда ты уже свой собственный заведешь? – поинтересовался Б.Бородов, который каждый раз, когда я просил у него телефон, заводил один и тот же разговор. – Невозможно ведь без мобильного. Как ты живешь? Несовременный ты человек, нельзя так. Ты должен быть на постоянной оперативной связи. Тебе чего, денег жалко? Ну хочешь, я тебе спонсирую абонентскую плату?

– Какой ты все же коммерческий, Б.Б., даром что экономист, – посетовал я. – Думаешь, все купить можно, даже мою свободу? Нет, она за абонентскую плату не продается. Хотя на самом деле ты просто от досады на меня наезжаешь. От подсознательной досады на то, что засосала тебя коммуникационная Гидра и ты отдался ей покорно, как и все остальные вокруг. А вот я держусь все еще и не поддаюсь ей. Ты посмотри на себя, ты стал зависим от нее, как от тяжелого наркотика, подсел, можно сказать, на сотовую иглу. Ты ведь уже и шага ступить без тяжести в кармане не можешь, ты просто стал придатком к маленькому переносному устройству с несколькими незамысловатыми кнопками. И послушно на эти кнопки реагируешь, как подопытный, когда сигнал раздается. Ты взгляни правде в глаза – ты же, Б.Б., стал рабом лампы. И теперь хочешь, чтобы и меня в ее узкое горлышко вслед за тобой утащило.

– Да, я раб лампы, хоть и не Хоттабыч, – легко согласился Илюха. – Но согласись, ведь и ты не Аладдин.

– Ты прав, я не из Бухары, – признался я. – Но несмотря на это, я свободным человеком родился и не променяю ее на рабское удобство вечно докучливых звонков. Да ты сам посуди, что же это получается: любой желающий может запросто тебя достать в любую минуту, когда ему заблагорассудится?

Илюха только пожал плечами, не соглашаясь, но и не возражая.

– Ну подумай, – попросил я Илюху. – Ну как можно быть постоянно доступным для всех? Даже когда в сортире, даже когда в мыслях своих, в своих фантазиях, даже когда в ночных снах. А когда с девушкой наедине? Представь, вы уже настроились, уже все сложилось правильно, а

тут звонок из кармана ее сброшенных на пол джинсов. «Да ладно, – говоришь ты девушке, – забудь». А она тебе в ответ в промежутках между тяжелыми вздохами: «А вдруг важное чего упусти», – и тут же насильственно прерывает процесс.

Я специально подобрал такой жуткий, скребущий по воображению пример. Я знал, что Илюху он всерьез прихватит за чуткую, эмоциональную на девушек душу.

– Важного, конечно, ничего не происходит, – продолжал я описывать драматическую сцену. – Это ее подруга звонит, узнать, как там у вас, все ли в порядке? Подходишь ли ты, оправдываешь ли их надежды? Впрочем, скоро вы с девушкой снова готовы – и на взгляд, и на ошупь... Казалось бы, ничего не может уже вас остановить... Но тут снова звоночек, теперь уже из твоих брюк.

– Вот это незадача, – согласился Илюха и покачал головой. Видимо, с ним происходило то, что театральные режиссеры называют «эффектом присутствия». Но я только сильнее сдвинул свою сценическую хватку.

– «Не бери! Зачем тебе? Кому ты нужен?» – законно просит возбужденная девушка. Да ты и сам знаешь, что не нужно. Но внутри червяк сомнения все-таки гложет: а вдруг там что-то важное, не ждущее отлагательств? Пусть даже отлагательств сексуальных. Например, Инфанту срочная помощь понадобилась? Ему же помощь порой надобится. А у тебя чувство ответственности за Инфанта всегда было сильно развито. Даже сильнее тяги к возбужденной девушке.

– Ну, это ты уж хватанул через край, – проговорил Илюха. Но вскользь проговорил, не мешая рассказу.

– Вот ты и отодвигаешь свое желание на второй план, – продолжил я, – и страсть свою, и чувство, и девушку тоже. И стараешься невозмутимым, не выдающим волнения голосом проговорить: «Але?»

Тут я выдержал паузу, потому что подступал к запланированной развязке.

– А там, в телефоне... там совсем другая девушка. У нее, видите ли, интуиция не на шутку разыгралась, и она тут же заподозрила тебя в чем-то для себя очень обидном. Показалось ей, что ты вошел в заговор против нее. То есть такой ничем не спровоцированный приступ ревнивой паранойи с ней вдруг приключился. А тебе теперь его расхлебывать... Но как? Как тебе беседовать с параноической девушкой в присутствии другой девушки, у которой тут же не меньший приступ паранойи начинается?

Тут Илюха звучно вздохнул, проникаясь с головой в нешуточную проблему.

– Вот и расстраивается любовь. Может, не навсегда, но на данный вечер уж точно расстраивается. Ну и что хорошего в такой постоянной телефонной доставке?

– Да, так бывает иногда. Печальная ситуация, – закивал головой Илюха.

– Да и то, Б.Б., – зашел я на новый оборот, – что хорошего в том, что ты всюду доступен для абсолютно для всех? Ведь если доступен, то значит, и контролируемый ими всеми. А значит, ты и жизнью становишься контролируемый.

– Ты думаешь... – снова вздохнул Илюха и потупил глаза к асфальту.

– А моя главная задача, – пошел я на последний рукопашный штурм, – как раз в том, чтобы выйти из-под контроля жизни. Чтобы не отчитываться ей ни в чем – ни где был, ни с кем, ни почему так поздно домой вернулся. И всем другим, пусть и близким, пусть и любимым, но не отчитываться тоже. Потому что когда свободу теряешь, то и себя теряешь. А я, повторяю, свободным был рожден, от свободных родителей!

Тут я выдохнул и затормозил и закончил выступление.

– Розик, бескомпромиссный ты мой борец, – приобнял меня за плечи БелоБородов. – За что мы боремся-то с тобой? За нескольких одновременных девушек? Хотя, я согласен, это тяжелая и бескомпромиссная борьба. – Он снова похлопал меня по плечу. – Ты, впрочем,

одну деталь позабыл. Там такая отключающая кнопка на телефоне есть. Нажал на нее и отключился, и недоступен ты больше.

Я аж засмеялся от его, белобородовской, наивности.

– Ты сам нажимал на нее хоть раз? Ну, когда не в театре и не в филармонии? Она же самая опасная ловушка, эта кнопка. Ведь пойдешь отключи ее! А потом объясняй всю жизнь, чем был занят таким, что к телефону подходить не хотел и заблокировал его? И будут тебе потом всю жизнь не доверять, и корить, и подозревать почему зря. Не всегда, конечно, «почему зря», иногда за дело будут. Но в конце концов, мог же ты честно, без задней мысли, в филармонии сидеть, большой хор слушать?

– Я большой хор люблю, особенно в филармонии, – закивал Илюха.

Но я его от хора тут же отвлек:

– Вот и окажешься ты без вины виноватым. И пятно на тебе на всю жизнь останется, так ты с ним и состаришься, не отмывшись. Пятно и вечное подозрение, которые будут новые приступы паранойи вызывать. Нет, – замотал я головой, – если уж ты взялся быть доступным для всех, то и неси свой тяжкий крест, не проявляй слабину, не выключай мобильную связь.

– В чем-то ты прав, – согласился Илюха. – Но и оперативность иногда тоже нужна.

– Конечно, нужна, – согласился я. – И поэтому некоторые технические усовершенствования я приветствую. Например, секретарш. Или если денег на них не хватает, то автоответчик хотя бы. Проверять сообщения периодически и хочешь – отвечай на них, а хочешь – не отвечай, твое право. Понимаешь, ты ситуацию контролируешь, а не она тебя.

– Матерый ты человекище, стариканище, – приободрил меня Илюха. – Вдумываешься ты глубоко в повседневную, бытовую нашу жизнь. Не то, что мы, которые по поверхности скользим, как клопики по воде.

Ну да ладно, на, держи мобилу, против которой ты так рьяно возмущаешься. Звони Жеке. Двигай ее к Лондыреву на «Щуку», чтоб хоть как-нибудь половой паритет у Лондырева поддержать.

И я позвонил по мобильнику на Жекин мобильник, и она подошла, и я, конечно, двинул ее к Лондыреву на «Щуку» к семи вечерним субботним часам.

Глава 4

За 147 страниц до кульминации

Там мы в семь и встретились у переднего вагона, все вчетвером, включая Инфанта и Жеку. А потом топали минут пять пешком, пока не вошли в подъезд лондыревского трех-подъездного дома, пока не позвонили в его, лондыревскую, дверь. Которую он в результате и открыл.

Чей-нибудь проницательный взгляд смог бы безошибочно определить, что Мишаня Лондырев оказался удивлен нашим, в основном мужским, появлением. Он-то рассчитывал на одного Илюху с двумя-тремя паритетными девушками, а получалось совсем наоборот. Получалось, что мы еще существеннее этот паритет нарушали.

Впрочем, это чей-нибудь проницательный взгляд заметил бы... но не наш. Поэтому Лондыреву пришлось поправить интеллигентские свои очки на интеллигентской своей переносице и посторониться, пропуская нас всех, непроницательных, внутрь.

Мы зашли, достали, налили, попробовали... Потом попробовали еще и лишь потом пригляделись к сторонам.

Ну что, небольшая лондыревская квартирка состояла из двух комнат и одной маленькой кухни. Ванная с туалетом там, наверное, тоже где-то были, но нам туда пока не требовалось, поэтому утверждать не берусь.

В одну из комнат, смежную спальню, тут же прошмыгнул наш скромный Лондырев со своей новоиспеченной девушкой, оставив гостиную тем, кому она и предназначена по определению, – гостям. Что он там делал, в смежной своей спаленке? – можно было только догадываться. Но догадаться можно было легко.

Гостей мы тоже оглядели, и выяснилось, что паритет не так уж и был катастрофически подорван, как нас пугали. А значит, расслабляться было ни к чему – впереди меня ожидали беспокойные, но приятные хлопоты.

Так вот, перевели мы дыхание, осмотрелись. Жека тут же отделилась, определив подходящий для себя объект. Но перед тем как отделиться, нашептала мне на ушко вопросом:

– Вон тот, высокий, со светлыми длинными волосами, с мужественной бородкой. Ты знаешь его?

Я посмотрел на бородку. Как они ухитряются разглядеть в щетине мужественность?

Я пожал про себя плечами. Впрочем, какой я им судья?

– Думаешь, он один, без подруги? – не отставала от меня Жека.

– Какая разница? – заметил я.

– Действительно, – согласилась Жека.

– Рядом с тобой, Евгения, мужчина всегда чувствует себя не только одиноким, но и одичавшим. Ему кажется, что он когда-то давно был выброшен на океанский необитаемый остров и голодал, голодал, питался корешками, терпел лишения много лет. А еще в бессонные ночи он думал о женщинах и тосковал, тосковал... И так продолжается много лет, пока к острову не подходит яхта, красивая, белая, под парусом, но и с мотором на дизеле для пущей надежности. Там внутри, в кают-компании, бар полон напитков, столы ломятся от деликатных яств и эротические фильмы крутятся нон-стопом на широком экране. И спасается обросший, оскудевший островитянин, и ютится на яхте, и обогревается в ней, и начинает искренне дружить с экипажем. Так вот... – тут я, как и полагается, выдержал паузу, – ты, Евгения, и есть эта яхта.

– Почему это экран широкий? – спросила моя мнительная подруга. – Я чего, поправилась слишком или хвостик через юбку выделяется?

Я посмотрел на то место, где мог выделяться хвостик. Но там ничего не выделялось.

– Все в порядке, – успокоил я ее. – А про экран – это такой литературный образ. В смысле, качество изображения на нем хорошее. Да и не только изображения.

И я подбодрил Жеку, легонько похлопав ее по хвостику. Как я и ожидал, он вилял возбужденно от предвкушения новой встречи.

Потому что для тех, кто не знает, скажу, что мы с Жекой уже давно перестали входить в неуставные отношения. Но как случается иногда, наши неуставные отношения плавно перешли во вполне уставные – в товарищеские. И даже больше – в дружеские. А значит, в открытые, откровенные, с искренним участием к друг другу, полные взаимовыручки и вечерних откровенных подробностей.

– Слушай, – задержал я ее еще на секунду, хотя она уже была готова оторваться. – А хвостик, кстати, шевелится.

– Да засиделся, видать, – согласилась Жека. – Хочешь еще потрогать, только незаметно?

– Конечно, – захотел я.

И я приставил ладонь к длинному, свободному Жекиному платью и ощутил легкое щеко-чущее шевеление. Что означало, что Жека довольна и по-хорошему возбуждена окружающим. Так как Жека виляла своим хвостиком, только когда была неподдельно довольна.

Тут я должен пояснить для тех, кто про Жеку читает впервые, что у нее имелся самый настоящий рудимент в виде лишнего спинного позвонка. Или если выражаться по-бытовому, то у нее был хвостик сантиметров в четыре-пять, которым она после долгих тренировок с самого детства научилась вилять. А так как характер у нее, тоже с самого детства, был жизнерадостный, то и виляла она им жизнерадостно.

Вообще чему только женщина не научится с годами, особенно если о тренировке собственных мышц речь заходит. Любой мышцей может научиться руководить, хотя для некоторых мышц больше времени требуется, чем для других. Но усердие и ежедневные тренировки в любом случае плоды приносят.

Вот бы нам так, парням... Но нет, не получается у нас... И мышцы у нас, увы, не там расположены, где было бы от них больше всего пользы. Да и тренироваться упорно мы не любим. Все на авось надеемся, мол, все будет в порядке. Ну а если на авось понадеешься, то и самому приходится не плошать. Вот мы и стараемся. Хотя по-разному, конечно, бывает.

– Б.Б., – повернул я голову к Илюхе, который тут же рядом со мной оглядывал гостиную, – хочешь Жекин хвостик потрогать, он как раз виляет сейчас?

– А можно? – пришел в восторг Б.Бородов, потому что никогда женского хвостика в руках не держал.

– Сейчас узнаю, – пообещал я.

И узнал. Оказалось, что можно.

– Если только недолго, – согласилась Жека. Потому что если она и была с кем-то холодна и отчужденна, то только не с друзьями. – И чтобы не жать на него сильно, ему и так под трусиками вилять тяжело. Стягивают они.

– Я не буду жать, – тут же пообещал Илюха и обошел Женю с оборотной от меня стороны. И долго там стоял, незаметно прикладывая ладонь к Жекиному платью.

– Ни фига себе, – вздыхал он с раскрытыми от счастья глазами. – Сам бы не почувствовал – не поверил бы никогда. Я и тебе, старикашка, не верил, когда ты о нем рассказывал. Думал, смешишь ты нас, думал, сочиняешь ты все. А он и вправду существует и еще виляет так забавно. Что ни говори, а все-таки много в этом мире, Жека, что не понятно ни нашим, ни даже вашим мудрецам.

– Мудрецам, – перевел Инфант «мудрецов» в женский род. Но никто на Инфанта внимания не обратил.

– Ты не знаешь, как он виляет, когда его не стесняет ничего, – хвастливо заметила Жека.

Другой бы мог заподозрить в Жекиных словах двусмысленность, но то – другой. А мы Жеку знали и ничего заподозрить не могли, она на самом деле радовалась. И за себя, и за свой хвостик, и за Илюхино изумление, которое просто выпирало из него, просто било наотмашь. И никакой двусмысленности в ее радости не было, потому что здоровая радость – всегда односмысленна. Радость – и все!

– Слушай, – спросил я, – а Инфанту можно?

Но Инфанту оказалось нельзя, во всяком случае, сегодня. Потому что на все существуют разумные лимиты и ограничения, тем более на такое чудо, как виляющий Жекин хвостик.

– Он не поймет, твой Инфант, – засомневалась Жека. – А потом еще донимать начнет, я ж его знаю, чудилу. И вообще, этот Инфант...

И она была права, Инфант действительно стал бы донимать. Как донимать – не известно, потому что у Инфанта находилось в арсенале много разных способов донимания.

А потом Жека отчалила от нас к тому, высокому, с бородкой, кого наметила с самого начала. И завязался у них диалог, который я не слышал, да он меня и не интересовал. Что я, сам не знаю, что в таких случаях говорится? Так, никчемная, легковесная ерунда.

И вообще, мое внимание было обращено совсем в другую сторону. А именно – в сторону двух девушек, похоже, подружек, которые, потягивая из стаканчиков, многозначительно переглядывались между собой. О чем они переглядывались? – я не знал, хотя можно было и догадаться.

– Ну что, Б.Б., берем? – определил я девушек, потому что Илюха, при всех его природных навыках, не всегда умел правильно определить сам. Но тут он последовал за моим взглядом и тут же закивал. Так как девушки полностью заслуживали, чтобы их сначала определили, а потом брали. К тому же они так удачно выделялись одна на фоне другой, просто завораживали контрастом.

Та, что сидела в кресле, привлекала к себе длинными солнечными локонами, спадающими на плечи, манящей, лукавой улыбкой, искрящимися от веселья, смеющимися глазами. Не говоря уже о завидной миловидности лица и плавных формах, лоснящихся из-под одежды.

Другая же, стоящая поодаль, была ее полной противоположностью – бледное лицо, обрамленное короткими черными волосами, горящие, будто воспаленные, темно-зеленые глаза, тонкие яркие губы – все говорило о том, что перед нами натура пылкая, глубокая, ищущая. О таких Тургенев с Достоевским любили писать. Но очень по-разному любили.

– Давай, стариканыч, действуй. Если непосильно станет, то мы здесь, недалеко. Лишь свистни, себя не заставим мы ждать. Хотя я в тебе уверен, такой, как ты, не подведет, – подбодрил меня Илюха относительно девушек.

Я пригляделся к ним обеим и, конечно, выбрал ту, которая светленькая, солнечная, со смеющимися глазками. С натурами глубокими и ищущими всегда мороки значительно больше. К тому же кто знает, отыщут они в тебе то, что глубоко ищут, или нет?

Но одно дело – выбрать девушку, а другое – с ней «не подвести», как просил меня Илюха. И тут все дело в первом движении, в первом слове, потому что, как известно, женщины судят нас по мгновению, особенно если это мгновение – первое.

Конечно, у меня, как и у каждого уважающего себя специалиста, имелись свои наработки и заготовки. Но вообще-то я предпочитаю на импровизации работать, на полете. Когда интуиция и мысль сливаются воедино и протаривают путь для вдохновения. А вдохновение девушки всегда чувствуют и всегда реагируют на него особенно остро. Потому что вдохновение вырывается из тебя наружу летучей такой энергией, которую девушки начинают в себя впитывать и пробовать на вкус. Подходит ли она им? Ну и если подходит, тогда...

Вот я стоял и придумывал импровизацию, такую, чтобы полная свежести оказалась, чтобы как в первый раз. Времени у меня было немного, не я один отметил девушку, много

взглядов тянулись к ней со всех сторон, и следовало торопиться. Именно так, как торопится на своей собачей упряжке обветренный золотоискатель из замерзшей Аляски первым забить территорию у рудоносного золотомойного ручейка. Вот и я двинулся к девушке твердым шагом, подбадриваемый Илюхиным взглядом в спину.

Напоминаю: она сидела в кресле, ее правая рука со стаканом покоилась на подлокотнике, а вокруг было шумно и гулко. И мне пришлось пригнуться, ну, хотя бы для того, чтобы она в общем гуле расслышала меня вместе с моей импровизацией. И оценила нас.

Вот я и пригнулся, и присел на кресельный подлокотничек, на второй, на свободный. Девушка окинула меня неудивленным взглядом, видимо, она была привычна и к подсаживающимся незнакомцам, и к их импровизациям. Ее глаза были широко открыты, будто хотели задать какой-то мучивший ее вопрос, рассеять сомнения. А еще она улыбалась... В общем, выглядела она вполне кокетливо.

Я пригнулся к ней еще ниже, чтобы нас ничего не разделяло, чтобы остаться с ней наедине посреди этой шумной и людной комнаты.

– Я тут, кстати, факиром работаю, – начал я с импровизации. – Мое сценическое имя Амадеус Модельянович Розовсконтти. Хотите, я вам свое искусство продемонстрирую?

– Какое искусство? – спросила она, и улыбка ее засветилась еще ярче.

– Могу с фокуса начать, – предложил я.

– С какого фокуса? – повторила она вопрос.

– А вот сейчас увидите, – сказал я, лихорадочно подбирая на ходу правильный фокус. Потому что при наличии неподалеку Инфанта фокусов было хоть отбавляй. Он одним своим нечесаным печальным видом уже гарантировал и фокус, и всю остальную белую магию. А если покопаться в нем поглубже – то и черную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.